НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА
10 ВОПРОСОВ К САМОМУ СЕБЕ

Наталья Калинина — контент-директор издательской группы «ВК-медиа», Свердловская область

1 ЧИТАЛИ БЫ ВЫ СВОЮ ГАЗЕТУ, НЕ РАБОТАЯ В НЕЙ?

Живя в Краснотурьинске, безусловно, читала бы «Вечерку». Вряд ли всегда была бы довольна ею — случается, что наши истории, на мой взгляд, бывают поверхностными, что ли. И это всегда — повод для «разбора полетов», спорим, порой даже ссоримся. Будучи внутри редакционных процессов, я понимаю, что причина часто банальна — нехватка времени и рук. И сил, да, такое тоже имеет место быть. Но читателю, далекому от журналистской «кухни», все это вряд ли интересно — ему нужна информация, максимально полная. Так что я была бы весьма придирчивым читателем «Вечернего Краснотурьинска», но определенно сделала бы выбор — на информационном поле Краснотурьинска — в пользу именно этой газеты.

Потому что она — живая. Несовершенная (совершенство и безупречность — это вообще-то скучно, на мой взгляд), допускающая промахи иногда, но принципиальная, честная и открытая для самых разных мнений газета. Все, как я люблю. Еще мне как читателю импонировало бы — я уверена, что это чувствуется, слышу подтверждения этому от многих своих знакомых, — что газета «Вечерний Краснотурьинск» не останавливается в своем развитии: мы всегда пробуем что-то новое, внедряем новые форматы, пытаемся креативить с подачей журналистских материалов и рекламы — учимся, каждый день учимся чему-то. И это — большой плюс.

2 ЗАНИМАЛИСЬ БЫ ВЫ ЖУРНАЛИСТИКОЙ, НЕ ПОЛУЧАЯ ЗА ЭТО ЗАРПЛАТЫ?

Скорее да, чем нет. Потому что сегодня у любого журналиста «Вечернего Краснотурьинска» есть возможности зарабатывать больше — было бы желание. Зарплата совершенно «прозрачная», ты понимаешь, из чего она складывается, и видишь возможности для увеличения заработка. Да, надо пахать. Но, по-моему, в таком режиме сегодня работают практически все малые редакции, когда небольшие по количеству пишущих коллективы должны «объять необъятное». И лично я, вернись я сейчас на позицию корреспондента, с которой, кстати, и начинала свой путь в журналистике, сделала бы все возможное, чтобы зарабатывать столько, сколько считала бы нужным.

Тут, мне кажется, дело немножко в другом — в самоорганизованности. Это бич многих и многих творческих людей. Привычку откладывать все на потом и, как

следствие, мало что успевать я лично выводила пару лет — написанием для себя ежедневных планов. Считаю, что это правильно, ведь когда ты умеешь выстроить свой день максимально эффективно, успеешь все и даже чуточку больше, что непременно — пусть не сию минуту, но в перспективе — скажется и на твоей зарплате. Начальство, как минимум, премию выпишет))).

3 КОГО ИЗ ГЕРОЕВ ВАШИХ ДАВНИХ МАТЕРИАЛОВ ВЫ ПОМНИТЕ И ПОЧЕМУ?

Костя Лидерс. Прочитала этот вопрос и сразу всплыло это имя. 20-летний милиционер-стажер, принятый в милицию в августе 1997-го, погиб 30 октября того же года, спасая тонущих в пруду пацанов. Он даже плавать не умел, этот Костя… А для меня это была первая история, когда смерть — так близко, так внезапно. Плюс мы с Константином, как оказалось, почти абсолютные ровесники, разница в днях рождения — всего две недели. И я помню, как встречалась с его мамой, и мы вместе плакали за круглым столом в подслеповато освещенной комнате. Это было в моей карьере самое первое непоправимое горе и, как оказалось, осталось навсегда в памяти…

Потом было много людей и историй. Больше помнятся трагедии. Наверное, потому, что судьбы эти проходят через сердце — я не умею абстрагироваться от чужой беды, так и не научилась за почти 20 лет. Проживаешь как свое, буквально болеешь потом. Спасает, что и от чужой радости точно так же не умеешь «отключаться».

Сейчас вдруг осознала, что у меня — целое свое кладбище: жертвы несчастных случаев и жестоких преступлений; мальчик Ваня, погибший на подлодке «Курск»; умершие в нашем родильном доме младенцы — шестеро!; дети, для спасения которых наша газета организовывала сборы средств —
12-летний Андрюша, две Танечки, 18-летняя и 5-летняя, маленькая Влада, которую «лечили» от косоглазия при неоперабельной опухоли головного мозга… Слезы, слезы…

БИО — НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

1995 ГОДУ, ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ МЕСЯЦЕВ СТАЖИРОВКИ, была принята на работу в качестве корреспондента в муниципальную газету «Заря Урала». Пришла в журналистику буквально с улицы, несколько месяцев отучившись на филологическом факультете Уральского госуниверситета и решив, что это — «не мое». Осваивала азы трудно, со слезами, ошибками и, если бы не первый мой редактор Ирина Павловна Степанова, которая возвращала мне отпечатанные еще на машинке листы — «Переделывай», доводя этим порой до белого каления, ничего бы из меня не вышло. Первый год в «Заре Урала» был в буквальном смысле испытанием на прочность, что в журналистике — почти тест на профпригодность, я считаю.

ПЕРВЫЙ «НЕЗАРЕЗАННЫЙ» И НЕ ОТПРАВЛЕННЫЙ В ПЕРЕДЕЛКУ ТЕКСТ случился, кажется, через полгода. Помню, Ирина Павловна стрельнула глазами: «Кто писал? Сама?». Я кивнула — конечно. А еще через год с небольшим случился «Вечерний Краснотурьинск» — молодая независимая газета, куда я ушла по приглашению нынешнего генерального директора ООО «Издательская группа "ВК-медиа"» Николая Починина.

И ВОТ, С 1 ИЮНЯ 1997 ГОДА, «ВЕЧЕРНИЙ КРАСНОТУРЬИНСК» стал моей профессиональной жизнью. За более чем 18 лет проделан путь от рядового журналиста до контент-директора издательской группы, которая сегодня включает в себя четыре городские информационные газеты, шесть городских информационных сайтов и ряд рекламных изданий. Моя зона ответственности сейчас — работа с содержанием газет и наполнением сайтов, с творческими коллективами, связь с читательской и пользовательской аудиториями, подготовка и обучение кадров и т.д.

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ я тоже получила — с большими перерывами на «заскоки», а потом рождение старшего сына окончила факультет журналистики Уральского государственного университета имени М. Горького (ныне Уральский федеральный университет).

ДОВОДИЛОСЬ ЛАУРЕАТСТВОВАТЬ и иногда даже побеждать в профессиональных конкурсах регионального и всероссийского уровня. Победитель конкурса «Золотой гонг-2004» в номинации «Журналистское расследование», лауреат премии имени Артема Боровика (2004 год), становилась победителем и лауреатом нескольких конкурсов «Лучшая региональная газета», проводимого фондом «Новая Евразия» (в частности, диплом за «Самый широкий общественный резонанс» в 2005 году и победа в номинации «Лучшая колонка» — 2009 год). Автор нескольких достаточно «громких» газетных материалов и циклов публикаций — массовая гибель детей в Краснотурьинском родильном доме (2003—2004 годы), дело Андрея Сычева (2006 год), закрытие онкологического диспансера (2011 год).

А ЕЩЕ Я БЕСКОНЕЧНО БЛАГОДАРНА СВОЕЙ ПРОФЕССИИ за возможности — это и учеба, и встречи с удивительными людьми (привет всем «евразийцам»!), и новые идеи. В период с 2007 года по настоящий момент я побывала с обучающей поездкой в Праге (сайты и работа в Интернете), прошла стажировку в Америке (обмен опытом), была участником Международного форума редакторов (2010 год, Гамбург, Германия), посетила с группой журналистов Польшу (концлагеря, встречи и интервью с пережившими Холокост людьми), после чего в Краснотурьинске на базе двух школ прошли специальные уроки истории для старшеклассников. И это еще, надеюсь, не финал.

4 Уверены ли вы в том, что занимаетесь сегодня журналистикой?

Скажем так: я стараюсь заниматься именно журналистикой. Я убеждена, что это одна из самых, если можно так выразиться, мобильных, постоянно меняющихся профессий — только успевай учись, открывай для себя новые горизонты, экспериментируй, твори. Мне кажется, главное — держаться «генеральной» линии: не гнать «джинсы», не избегать неудобных вопросов, не бояться чиновников и прочих «випов», всегда стремиться к объективности.

Однако я бы предостерегла всех пишущих от зашоренности и шаблонности (есть такая проблема, когда ты включаешься в газетный «конвейер» — каждый день пишешь, пишешь, выдыхаешься в какой-то момент, сбиваешься на повторы). Универсального лекарства от этой «болезни», наверное, не существует, но для меня это книги, смена времен года за окном (замечали, какие восхитительные дни бывают в межсезонье?), мои дети, изобретающие, кстати, на ходу новые словечки и демонстрирующие порой такой полет мысли, что я вдохновляюсь на собственный…

А еще мне кажется, что журналистика сегодня — это все-таки больше чем просто истории. СМИ должны помогать каждому быть услышанным, растить гражданское общество, поддерживать неравнодушных и активных людей, показывать — на примере конкретных судеб, поступков, решений, — что только мы сами ответственны за свою жизнь и можем влиять на нее.

Именно такой журналистикой сегодня я стараюсь заниматься и надеюсь, что это мне удается.

5 Как вы отражаете (отражали) натиск сильных мира сего, которые вас просят (просили) о чем-то или требуют (требовали) что-то?

Был период, в начале карьеры, когда сильные мира сего пытались «прогибать» — аргументами, как правило, выступали моя молодость, неопытность, отсутствие жизненного опыта. И, знаете, правда ведь колебалась, занималась самобичеванием, на веру принимала почему-то их слова…

С возрастом и опытом это проходит. Ну и потом — в жизни я получила прекрасный урок от своего деда-фронтовика. Мне повезло — в годы моей юности и взросления он все еще был рядом и всегда говорил: «Даже если все вокруг будут говорить, что ты не права, ошибаешься, но если при этом ты внутри чувствуешь, что права, — значит, ты права. Не сдавайся, отстаивай свое мнение, ищи доказательства, как бы сложно ни было». Тем и живу, в том числе и в профессии.

Так что если сейчас кому-то из «сильных» (беру в кавычки, потому что воспринимаю людей именно как людей — таких же, как я, как вы, а титулы и ранги — дело наживное) вздумается «влиять», мы просто разговариваем: вежливо, корректно, но без какого-либо подобострастия по отношению к ним.

Честно говоря, уже и не припомню случая, когда бы кому-то из чиновников-мэров-начальников удалось что-то «продавить». Разговор тут короткий — мы готовы дать вам возможность высказаться, но при этом непременно поинтересуемся позицией второй стороны.

6 Часто ли вам хочется или хотелось напиться? (к теме профессионального выгорания).

Хмммм, вопрос, конечно… Чаще, чем напиться, мне хочется уволиться — мое выгорание проявляет себя именно так. Все-таки с годами многие журналисты, я думаю, становятся «толстокожими» — уже не впадаешь в ступор от хамского звонка, уже умеешь мысленно считать до десяти, прежде чем сорваться в ответную агрессию, уже не обращаешь внимания на идиотские комментарии на сайтах.

Хотя, признаюсь, некоторые высказывания и сейчас пронимают до дрожи — когда притягивают твою семью, особенно в контексте «за детей не страшно», прочат посадки за твое мнение. Тут сложно сдержаться, конечно, но это издержки профессии.

А с профессиональным выгоранием помогает справляться как раз подвижность профессии (не путать с подвижностью психики) — новые впечатления, новые возможности, мультимедийные штуки, реализация которых в онлайн-версии газеты затягивает, и люди, люди…

Мне кажется, если ты любишь людей и жизнь, все возможно, и именно твой читатель в сложный для тебя момент, когда хочется встать и уйти, спасет тебя — случайным на первый взгляд звонком со сло-

вами благодарности, вдохновляющим письмом, счастливой историей. Кстати, в случайности я не верю, так что все это — свыше и наверняка по твоим заслугам.

7 ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ ЖУРНАЛИСТЫ НАЧАЛА ЭТОГО ВЕКА ОТ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА?

Первое, что приходит на ум, — мобильность, бОльшая открытость и смелость, независимость, бОльшие возможности, но и бОльшая ответственность за все, что ты делаешь. Конечно, если мы говорим о журналистах, а не о людях, целенаправленно и истово отрабатывающих интересы власть имущих. На мой взгляд, такая форма жизнедеятельности к журналистике не имеет никакого отношения.

Итак, у сегодняшнего журналиста — весь мир, ставший вдруг очень маленьким, на ладони. Этому способствует Интернет, миллионы виртуальных ниточек-связей — как профессиональных, так и личных, в том числе со своими читателями, источниками. Все это делает нас ближе и одновременно открывает перед нами, пишущими, бескрайние горизонты: можно достучаться до кого угодно, найти практически любую информацию или тех, кто может помочь ее раздобыть, мгновенно оказаться на другом крае Земли, связавшись с местными жителями (к слову, люди нормально реагируют на такие просьбы, идут на контакт — я таким образом несколько раз общалась с Бесланом, по телефону).

К сожалению, сегодня не все журналисты осознают имеющиеся у нас возможности, сами себя ограничивают пределами своих городов, регионов, и это, наверное, как раз наследие журналистики второй половины XX века, когда считалось, что читателю интересно только то, что рядом, на расстоянии вытянутой руки. Так что, друзья, сейчас мы можем больше, чем привыкли думать. Нужно лишь захотеть...

8 СЕМЬЯ ЖУРНАЛИСТА – ПОМОЩЬ ИЛИ ПОМЕХА?

Семья — это спасение. Однозначно. Возвращаешься домой после трудного дня, а там — веселый дет-

ский гвалт, «мама, дай попить-покушать-почитай книжку-пошли играть-возьми на ручки», кот вертится под ногами, чайник уже закипает на плите, муж со своими историями... И ты снова чувствуешь себя живой, человеком, которому не обязательно круглосуточно «держать марку», соответствовать профессиональному статусу, — семья позволяет выдохнуть, побыть собой, «выключить» голову, подпитывает энергией (ежевечерние детские обнимашки и целовалки — это же просто антистресс!).

Так что, считаю, совмещать семью и журналистику можно и нужно, особенно если ты веришь, что работа в СМИ — это твоя личная попытка изменить мир к лучшему. Собственные дети в данном случае — мощнейший стимул к тому, чтобы вкладывать в каждую свою статью частичку души.

Не скажу, что семья в комплексе с журналистикой — это легко, исключительно в розовых тонах и воздушных шариках. Да мне никто и не поверит. Но это — смысл. Смысл жизни, творчества, смысл твоего существования в принципе. Я лично ни секунды не жалею о том, что рискнула выйти замуж повторно, и теперь у нас с мужем трое детей — они и заставляют меня учиться, расти профессионально, двигаться вперед. Чтобы они могли мною гордиться.

9 ЕСЛИ НЕ ЖУРНАЛИСТИКА, ТО... ИЛИ ГДЕ ВЫ ЕЩЕ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ ПОЛЬЗУ?

Я бы столько всего хотела делать, даже совмещая с журналистикой, что порой останавливаю себя в своих мечтаниях — осади, Наташа, в сутках всего 24 часа. Но на самом деле я человек увлекающийся, мне интересно практически все, кроме, пожалуй, квантовой физики — тут мне точно не разобраться.

Литература (время от времени пишу стихи), музыка (в музыкальной школе мне даже прочили будущее пусть не великого, но заметного на общем фоне пианиста), археология (мне кажется это крайне увлекательным — прикосновение к вечности буквально), образование (в школе всерьез планировала стать преподавателем русского языка и литературы и даже поступила после 11-го класса на филфак в Уральский госуниверситет), психология (обожаю слушать людей) — это все из серии «если бы не журналистика».

А вообще у меня есть мечта. Я хочу, чтобы в нашем городе появился хоспис — красивый, умиротворяющий, с заботливыми сотрудниками, которые умеют и боль успокоить, и утешить, и подарить праздник. По этому поводу я уже общалась с чудесными сотрудниками фонда помощи хосписам «Вера», озвучивала эту идею на уровне городского руководства и Думы.

«Вера» поддержала, местные власти — нет, а некоторые коллеги из газеты, уже канувшей в Лету, развернули аж кампанию по противодействию «дому смерти». Главврач местной больницы, к слову, выступал там экспертом — дескать, ужас какой, допустить нельзя... Это было грустно. Но мечта все равно остается и когда-нибудь станет реальностью, я верю.

10 О ЧЕМ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ СПРОСИТЬ ДРУГИХ ЖУРНАЛИСТОВ?

Думаю, для многих из нас сейчас важнейшим является вопрос элементарного выживания — кризис, рост цен на бумагу, типографские расходы, падение рекламного рынка и прочие прелести. Так что у меня скорее даже не вопрос к коллегам — просьба поделиться своим опытом, креативом, удачными проектами. Все взаимно.

И вообще — а не организовать ли нам, друзья, всероссийский мозговой штурм? Встретимся в «Facebooke»? &